

A photograph of a cozy living room. In the foreground, there are two armchairs: one is a vibrant red velvet chair with white legs, and the other is a floral patterned chair. Between them is a small dark table with a newspaper. In the background, a large window looks out onto a city street with trees and buildings. A potted plant sits on the windowsill. The overall atmosphere is warm and nostalgic.

ОКНО В ПРОШЛОЕ, КРАСНАЯ РТУТЬ

ЕЛЕНА АРС

18+

ЕЛЕНА АРС ОКНО В ПРОШЛОЕ, КРАСНАЯ РТУТЬ

<https://litres.ru/74076271>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Окно в прошлое» - семейная сага о жизни в России, начиная с девяностых по наши дни. Первая книга «Красная ртуть» призвана показать, как переломные события девяностых годов в России отражаются на судьбе одной семьи, раскрывая столкновение традиционных ценностей с новой реальностью. Книга через личные драмы героев рисует масштабную картину эпохи: распад привычного уклада, экономические потрясения, рост преступности и поиск новых ориентиров.

Содержание

Глава 1 «Семейный альбом»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ЕЛЕНА АРС

ОКНО В ПРОШЛОЕ, КРАСНАЯ РТУТЬ

Глава 1 «Семейный альбом»

Сегодня чистый четверг. День уборки. Через пару часов квартира порадует свежестью и засияет. Катя любила наводить чистоту и порядок дома. Особенно в минуты грусти и растерянности. Убирая пыль в библиотеке, она увидела альбом, нарушавший идеальный порядок. Да, он лежал не на своем месте.

Катя села на край дивана, прижав к себе тяжёлый, обтянутый синим бархатом альбом. Срез покрыт золотом, а сами страницы застегиваются на позолоченный под старину замок. На форзаце – объемный, золотой «Медный всадник».

Альбом купила сама Катя, подростком проводившая зимние каникулы в Ленинграде. От альбома пахло пылью и старой бумагой. И еще каким-то неуловимым запахом. Тем ароматом, который она с детства связывала с чем-то надёжным, почти священным. Сейчас этот запах казался горьковатым, будто время решило напомнить, что надёжность - вещь хруп-

кая.

Катя медленно, будто боясь спугнуть воспоминания, провела пальцем по ворсистой обложке. Потом открыла первую страницу.

На фото предстало лето девяносто первого года. Отец стоит у подъезда в светлом плаще, который уже тогда был слегка не по моде. В руке держит чертёжную тубу. На его лице улыбка, в которой столько надежды, что Кате вдруг становится больно.

Она помнит, как он уходил по утрам, и в его походке была уверенность человека, который знает своё дело. А потом эта уверенность начала таять, как утренний туман под жарким солнцем.

Катя задержала взгляд на его пальцах. Тонкие, с длинными суставами руки архитектора, привыкшие к рейсфедеру и линейке. Теперь эти руки учились делать другое. Считать мелочь, держать ключи от чужих офисов, стучать по столу, когда нервы сдавали.

Рядом с отцом стоит мама. В кадре она чуть отвернулась, будто смутилась вспышки, и это движение было таким узнаваемым, что у Кати сжалось сердце. На маме строгий костюм, купленный ещё в конце восьмидесятых, и нитка жемчуга.

Единственное украшение, которое она не снимала даже в самые тяжёлые дни. Жемчужины были неровными, неидеальными, и мама всегда говорила, что в этом их прелесть.

- Они настоящие, а не витринные и не искусственные, – так говорила мама.

Теперь Катя понимала, что мама тогда уже знала, что витринная жизнь заканчивается, а настоящая только начинается.

А вот и она сама на следующем снимке. Студентка! Гордая, угловатая, с копной непослушных рыжих волос и взглядом, в котором столько максимализма, что хочется предупредить ту Катю:

- Не торопись судить мир, он сложнее, чем кажется.

На фото она в джинсовой куртке, которую купила на рынке за четыре стипендии. Куртка жёсткая, неудобная, но Катя носила её как броню. Сейчас она почти забыла, каково это, чувствовать себя одновременно сильной и беззащитной, когда весь мир будто проверяет тебя на прочность.

Дальше Миша. Школьник, смешной, худой, с оттопыренными ушами и серьёзным лицом, будто он уже тогда понимал, что взрослым придётся стать быстрее, чем положено по возрасту. На снимке он держит игрушечного солдата, того самого, которого не продали, когда деньги кончились совсем.

Катя вспомнила, как Миша прятал под подушку коллекционную фигурку, ставшую не просто игрушкой. Как он шептал:

- Он меня охраняет.

И в этом детском ритуале было столько взрослой мудро-

сти, что сейчас, спустя годы, она чувствовала, как к горлу подступает комок.

Катя листала дальше. Фотографии становились ярче, будто сама плёнка впитывала тревогу тех лет. На одном снимке семья стоит у окна, за которым виден двор. Вдаль уходит пустырь, на котором скоро вырастет ларёк, и старые качели, скрипучие, но ещё крепкие. В лицах напряжение, которое они старались скрыть за улыбками. Улыбки получались натянутыми, но искренними. Они всё ещё верили, что смогут удержать то, что им дорого.

Каждая фотография была не просто кадром, а узлом, стягивающим прошлое и настоящее. Глядя на них, Катя вдруг поняла, что эти снимки не про то, как они выживали. Они про то, как учились быть семьёй в мире, который перестал давать гарантии. В мире, который стал опасным и жестоким.

Про то, как отец, потеряв большие проекты, находил смысл в мелочах. В том, чтобы правильно повесить полку, чтобы дверь не скрипела, чтобы в доме все стояло ровно, чтобы все работало без сбоев. Но как назло, постоянно ломался телевизор, стиралка утекала и топила соседей. Круглосуточно, без сбоев, работало только радио.

Катя вспомнила, как мама, пересчитывая копейки, учила их главному. Учила, что считать - не значит быть жадным; это значит быть ответственным. Иметь запасы – не жлобство, а подушка безопасности. Как из мамы ушла жизненная энергия и сильная мама оказалась слабым звеном в их семье.

Как Миша, оставаясь ребёнком, становился опорой, потому что умел замечать, когда кому-то из них становилось особенно тяжело. Как она сама, теряя иллюзии, обретала силу, ту самую, которая не кричит, а просто делает своё дело:

- Делай, что должно и будь что будет.

Альбом закрылся сам собой, будто решив, что на сегодня достаточно. Катя посидела ещё немного, прислушиваясь к тишине квартиры. И вдруг почувствовала, что страх перед прошлым, который она носила в себе столько лет, стал тише. Не исчез, нет. Но перестал быть врагом. Он стал частью истории. Той самой, которая сделала их такими, какие они есть.

Катя сидела, прижав к себе альбом, и сама не знала, чего сейчас больше чувствует, тепла или боли. И то, и другое было настоящим, и оба чувства тянули её в разные стороны, как два невидимых течения.

Она снова наугад открыла страницу, будто надеялась, что на этот раз фотографии скажут ей что-то новое. Отец у машины. Его улыбка, как обещание: «Всё будет хорошо». И в тот момент он правда верил в это. Но Катя теперь знала, что именно с этой улыбки и началось их долгое, неловкое прощание с прежней жизнью. В этом и был драматизм.

Не в криках и не в открытых ссорах, а в том, как медленно, почти незаметно, рушились вещи, казавшиеся вечными. Как отец, привыкший думать о городах и пространствах, вдруг оказался вынужден думать о том, хватит ли денег на про-

ездной. Как его достоинство становилось меньше с каждым «неподходящим» предложением и болезнью. Но как он всё равно упрямо не соглашался на то, что считал неправильным.

Катя задержала взгляд на маминой фотографии с букетом роз в скрещенных руках. В этом жесте было столько внутреннего напряжения, столько желания остаться в тени, чтобы не мешать другим быть на свету. Почему она пряталась за букетом?

Мама всё брала на себя, но делала это так тихо, что они, дети, долго не понимали, какой груз она несёт. Считала, пересчитывала, экономила, договаривалась, уговаривала, отказывала себе. И всё это с видом человека, который просто «приводит дела в порядок». И ничего им не объясняла. Почему? Почему мама никогда с ними не говорила по душам? Не рассказывала о своих планах? Не делилась мыслями и чувствами?

Только теперь Катя видела, сколько силы было в этой тихой, упрямой аккуратности. Но вместе с восхищением приходила и обида. Горькая, колючая, из детства, когда ей казалось, что мама стала слишком строгой, слишком холодной, слишком занятой цифрами. Только сейчас она поняла, что эта «холодность» была не равнодушием, а концентрацией. Мама держала равновесие, пока весь мир шатался.

Рядом была фотка с отдыха в Евпатории. В тот год Катя впервые увидела море! А Миша был только в проекте. За-

горелая Катя стоит на песке и смеется Позади бескрайнее синее море. Мама с папой, как защитники, возвышаются по бокам и такие серьезные! В одной руке у Кати яблоко, в другой черепаха Тоша, ехавшая поездом из Москвы, чтобы Катя зарывала ее в золотистый песок, пускала гулять по саду есть сливы и плавать в прозрачной голубой воде Черного моря.

На следующем фото она сама в парке Горького. Юная Катя и на этом снимке смотрела на мир с вызовом, будто ждала, что он вот-вот докажет ей свою несправедливость. И мир не подвёл. Он был и несправедливым, и грубым, и честным одновременно. Она вспомнила, как носила эту жёсткую джинсовую куртку, как нарочно ходила по самым шумным рынкам и опасным местам, будто проверяла себя на прочность.

Ей хотелось быть взрослой, а на самом деле она просто боялась, что если хоть на минуту покажет, как ей страшно, всё окончательно развалится. В этом была и слабость, и сила. Она училась быть сильной через упрямство, через нежелание сдаваться, даже когда не знала, за что держится.

Вот снова фото брата. Миша. Серьёзный, смешной, худой. Снова с этим солдатиком, который должен был его охранять. Катя вдруг вспомнила одну ночь, когда в квартире было особенно тихо и особенно страшно от этой тишины. Миша тогда пришёл к ней в комнату и тихо спросил:

- Ты не спишь?

Она покачала головой. Он сел рядом, прижался плечом и прошептал:

- Если кто-то придёт, я его остановлю. У меня есть солдат.

И она, взрослая в его глазах, не стала смеяться и не стала разубеждать. Просто накрыла его руку своей и сказала:

- Спасибо. Мне спокойнее, когда ты рядом.

В тот момент они оба были защитниками друг для друга, хотя защищать было почти нечего, кроме собственного маленького чувства безопасности.

Фотографии дальше будто темнели. Не из-за качества плёнки, а из-за того, что в них всё больше проступала усталость. На снимке у окна в лицах уже не было прежней уверенности. Улыбки стали короче, взгляды быстрее, словно каждый боялся задержаться на чём-то одном, чтобы не заметить, как всё меняется.

Но при этом в них была и другая, новая черта - сплочённость. Не та, что рождается в радости, а та, что появляется в испытаниях. Они держались друг за друга не потому, что всё было хорошо, а потому, что по отдельности было бы хуже.

Катя провела пальцем по шуршащей папиросной бумаге между страницами альбома. Под ней, казалось, пряталась не просто картинка, а целая жизнь со всеми её ошибками, страхами, маленькими победами. И вдруг она почувствовала, как драматизм прошлого перестаёт быть обвинением. Он становился благодарностью. А ее семья - историей.

Да, им было тяжело. Да, они ошибались, срывались, не всегда понимали, даже себя. Но они не бросили друг друга. Не разошлись по углам, не стали чужими, оправдывая это

временем и обстоятельствами. Они учились быть семьёй заново, каждый день, шаг за шагом, иногда на ощупь.

Катя закрыла альбом. Мягко, без хлопка, будто не хотела нарушать наступившую тишину. Она посидела ещё немного, прислушиваясь к себе. Обиды не исчезли, но стали тише, как старые царапины, которые уже не режут, а только напоминают о том, где была боль.

А на их месте проступило другое чувство. Тёплое, глубокое, похожее на принятие. Она вдруг поняла, что эти фотографии не приговор прошлому и не повод для сожалений. Это карта. Карта того, как они шли, спотыкались, поднимались и шли дальше. И теперь, глядя на эту карту, она могла не только видеть, откуда пришла, но и понимать, что дала ей эта дорога.

Катя уже хотела положить альбом в коробку, но что-то помешало. Оказалось, это уголок бумаги, который чуть торчал между страницами, будто сам просился наружу. Она осторожно потянула и из-под старой фотографии выскользнул сложенный вчетверо листок, пожелтевший по краям. На нём маминым почерком, мелким и аккуратным, как в бухгалтерских ведомостях, было выведено: «Для Кати, когда станет совсем тяжело».

Сердце ёкнуло. Такого она не помнила. Ни намёка, ни слова за все эти годы. Катя развернула листок дрожащими пальцами и начала читать:

«Доченька, если ты читаешь это письмо, значит, время

пришло. Или просто стало нужно. Я долго думала, писать ли вообще, а потом решила: пусть будет. Вдруг тебе пригодится не совет даже, а просто знание, что я всё это время думала о тебе, даже когда казалось, что у меня нет на это сил.

Знаешь, в те годы я часто злилась на себя за то, что стала такой... сухой. Что вместо сказок перед сном считала вслух копейки и объясняла, почему мы не можем купить то, что хочется. Мне казалось, что я ломаю в вас что-то важное. А потом поняла: я учила вас другому виду смелости. Не той, что бросается в огонь, а той, что зажигает свечу, когда кругом темно.

Прости, если было слишком строго. Но знай: каждый раз, когда я отказывала себе и семье в чём-то, я делала это не потому, что не любила. А потому, что хотела, чтобы у тебя и Миши было чуть больше пространства для дыхания. Чтобы вы могли мечтать, даже если мир вокруг кричал, что мечтать глупо.

И ещё. Когда станет казаться, что всё рушится, вспомни, что самое крепкое в нашем доме не стены и не полы. Это то, что мы не бросили друг друга, даже когда держаться было почти не за что. Твоя мама».

Катя прижала записку к груди, и вдруг её накрыло волной такого тепла, что на глазах выступили слёзы. Столько лет она носила в себе обиду на эту «новую маму», такую жёсткую, расчётливую, вечно занятую цифрами. А теперь поняла: эта

жѳсткость была формой любви. Самой надёжной, какую мама смогла тогда придумать.

Она снова открыла альбом и посмотрела на фото у окна. Теперь в их натянутых улыбкаx она увидела не поражение, а упорство. Они стояли плечом к плечу не потому, что всё было хорошо, а потому, что вместе было не так страшно. И впервые за долгое время почувствовала, что прошлое не тянет её назад, не обвиняет и не требует ничего исправить. Оно просто говорит:

- Ты не одна. Ты из этой семьи. А эта семья умеет держаться.

Катя положила альбом на место, на полку, где он стоял годами, будто всегда ждал именно этого дня. Письмо она убрала в ящик стола, задвинула тихо, без щелчка, словно боялась спугнуть то хрупкое чувство, что только-только начало прорастать внутри. Потом снова взялась за уборку: протёрла пыль, расставила чашки, сложила стопку журналов, которые давно следовало выбросить. Движения были размеренными, почти механическими, но в них появилась какая-то новая собранность, словно вместе с пылью она стряхивала и лишнюю суету.

А воспоминания не уходили. Они не давили, как раньше, не кололи обидами, а плыли рядом, словно тени, которым наконец разрешили быть. Катя ставила кастрюлю на плиту, и вдруг перед глазами вставала кухня тех лет: там же плита, только другая, с потёртой эмалью, тот же стол, только накры-

тый клетчатой скатертью...

И мама, которая стояла ровно на этом же месте, только выглядела куда старше своих лет. Тогда Катя злилась, что мама всё время торопит, всё считает, всё планирует. А мама просто пыталась удержать этот маленький мир на плаву, и кухня была её командным пунктом.

Вода в кастрюле закипала, пузыри поднимались и лопались, и этот привычный звук странным образом успокаивал. Катя достала лук, начала резать и от резкого запаха на секунду защипало глаза. Она усмехнулась сквозь слёзы. Даже это было знакомо... даже эта маленькая бытовая боль связывала её с прошлым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.